

Научная статья

УДК 341.4

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.7

Рудман Марк Наумович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

markrudman@yandex.ru*

ГЕОИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹

Аннотация. Евразийская идеология как историко-культурный феномен, присущий российской эмиграции 1920-х–1930-х годов, имеет свои особенности, историко-географические предпосылки возникновения и обладает большим научно-историческим значением. Цель исследования – выявление обусловленности содержания евразийской идеологии, возникшей как реакция на русскую революцию и системный кризис русской государственности, историко-культурными и географическими предпосылками, определившими ее влияние на последующую историю России. Автор приходит к выводу, что представителей интеллектуальной элиты русской эмиграции, выступивших в качестве основоположников евразийской идеологии, объединяло, с одной стороны, осуждение влияния западной цивилизации на развитие русской политической культуры, что, по их оценке, привело к победе большевистской диктатуры, с другой – стремление обосновать и оправдать содержание и итоги русской революции выбором народа. Исходной этической предпосылкой евразийства рассматриваемого периода являлось осознание долга перед народом, принявшим, с точки зрения его представителей, большевистский режим с присущими ему идеями и методами, из чего следует необходимость признать этот выбор как единственно правильный и добиться воссоединения с народом. В практике большевистского государства евразийцы обнаруживали преемственность исторически и географически сформировавшейся в России и других регионах евразийского пространства авторитарной политической культуры, требующей безусловного подчинения сильной власти; социальный запрос на такую власть объясняется природными и историко-географическими предпосылками политической мобилизации общества как условия его выживания и развития. Анализируя исторические первопричины особенно-

© Рудман М.Н., 2023

¹ Статья написана на основе материалов, подготовленных для выступления на Международном научном круглом столе «Политико-правовые и социокультурные основы интеграционного развития государств Евразийского пространства: история и современность» (Казань, 2023).

стей восприятия власти народами евразийского пространства, евразийцы первыми подчеркивали определяющую роль географического фактора «месторазвития» общества и государства. Другой сущностной геоисторической предпосылкой евразийской идеологии была враждебность либеральной идеологии западной цивилизации, позволяющая ее авторам не только теоретически подчеркивать свое единство с консервативными традициями российского самодержавия, но и искать политического союза с советским правительством. Принимая цели и методы созданного на основе Российской империи Советского государства, решающего задачи мобилизации общества, евразийцы подвергали критике присущее коммунистическому режиму Советского Союза подавление православной веры и Православной церкви. Православие они единодушно оценивали как историко-культурную основу, обеспечивавшую в течение нескольких столетий сплоченность русской государственности с народом, что придавало этому союзу желаемое могущество и способность противостоять влиянию западной цивилизации. С точки зрения евразийского подхода антицерковный террор являлся главной методологической ошибкой коммунистического режима в России, которая неизбежно приведет к потере его опоры в народе. По мнению автора, этот подход блестяще подтвердился в результате острого политического кризиса большевистского режима, вызванного поражениями начального периода Великой Отечественной войны. Относительное единство государства и народа удалось восстановить только путем возвращения в официальную идеологию идей национально-патриотического служения и признания советским правительством Русской Православной церкви. Эти события доказали культурно-историческую значимость евразийской идеологии.

Ключевые слова: евразийское пространство, евразийская идеология, культурно-историческая общность, мобилизация общества, западная цивилизация, коммунистический режим

Для цитирования: Рудман М.Н. Геоисторические основы евразийской идеологии / М.Н. Рудман. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 70–83.

Original article

Rudman Mark Naumovich

University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
markrudman@yandex.ru

GEOHISTORICAL ROOTS OF EURASIAN IDEOLOGY

Abstract. The Eurasian ideology, as a historical and cultural phenomenon connected to the Russian emigration of the 1920s and 1930s, has its own peculiarities, historical and geographical background and has a great scientific and historical significance. The purpose of the study is to identify the conditions of the Eurasian ideology that emerged as a reaction to the Russian revolution and the systemic crisis of the Russian state, historical, cultural and geographical prerequisites that determined its influence on the subsequent history of Russia. The author concludes that the intellectual elite of Russian emigration, the founders of Eurasian ideology, united, on the one hand, the condemnation of the influence of Western civilization on the development of Russian political culture, which, in their estimation, led to the victory of the Bolshevik dictatorship, on the other – the desire to justify the content and outcome of the Russian revolution by the people choice. The initial ethical premise of the Eurasian period under consideration was the awareness of the duty to the people, who adopted the Bolshevik regime with its own ideas and methods, hence the need to recognize this choice as the only right one and to achieve reunification with the people. In the practice of the Bolshevik state, the Eurasians discovered the continuity of an authoritarian political culture that had historically and geographically developed in Russia and other regions of the Eurasian space, requiring unconditional subordination to a strong authority; the social demand for such power derives from the natural and historical-geographical prerequisites for the political mobilization of society as a condition for its survival and development. Analyzing the historical roots of the Eurasian peoples' power perception, the Eurasians were the first to emphasize the determining role of the geographical factor «development» of society and the state. Another essential geohistorical premise of the Eurasian ideology is the hostility of the liberal ideology of Western civilization, which allows its authors not only to theoretically emphasize their unity with the conservative traditions of the Russian autocracy, but also to seek a political alliance with the Soviet government. Accepting the goals and methods of the Soviet state created on the basis of the Russian Empire, solving the problem of social mobilization, the Eurasians criticized the Soviet communist regime's repression of the Orthodox faith and the Orthodox Church. They unanimously assessed Orthodoxy as a historical

and cultural basis, which ensured for several centuries the cohesion of Russian statehood with the people, which gave this union the desired power and ability to resist the influence of Western civilization. From the point of view of the Eurasian approach, anti-church terror was the main methodological mistake of the communist regime in Russia, which will inevitably lead to its loss of support among the people. According to the author, this approach was brilliantly confirmed by the political crisis of the Bolshevik regime caused by the defeats of the initial period of the Great Patriotic War. The relative unity of the State and the people was restored only by the return to the official ideology of ideas of national patriotic service and recognition by the Soviet Government of the Russian Orthodox Church. These events proved the cultural and historical significance of Eurasian ideology.

Keywords: Eurasian space, Eurasian ideology, cultural and historical community, mobilization of society, Western civilization, communist regime

For citation: Rudman M.N. Geohistorical Roots of Eurasian Ideology. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 3, pp. 70–83 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.7.

Попытка подвергнуть евразийскую идеологию научно-историческому анализу должна опираться на первичное выявление социальных предпосылок ее возникновения. Они связаны с надвигающимся кризисом новоевропейской индустриальной цивилизации во второй половине XIX в. Столкновение претендующих на универсальность идей и институтов европейских индустриальных стран, включая мировые масштабы колонизации, с народами, имеющими многовековую традиционную культуру и историю, вызвало у них реакцию отторжения. Не желая признавать европейские научно обоснованные идеи и институты, их представители активно, если не сказать яростно, противопоставляют европейской цивилизации идею собственной значимости.

Для достойного отпора навязыванию европейской универсальности идеологи разного рода антизападных движений научно обосновывали потребности культурно-исторических общностей в признании собственной уникальности, из чего следовал вывод о том, что ее любой ценой надо сохранить.

В исторической науке евразийство связано с популярной в конце XIX в. тенденцией бунта гуманитариев против порабощения истории естественными науками. Под порабощением они понимали привнесение в историю методов исследования (да и мышления вообще), свойственных точным и естественным наукам, тенденцию «поставить историю на научную основу». Это давление было следствием расцвета рационализма XVIII в. [1, с. 3]. Первыми

обосновали такой протест против рационализма, ассоциировавшегося с навязыванием колониальными индустриальными странами своей цивилизации народам всего мира, германские ученые, считающиеся основателями современной культурологии. Из числа самых знаменитых отметим Г. Риккерта, В. Виндельбанда и Л. Ранке, противопоставлявших просветительской идеологии политического универсализма принцип определяющего влияния «крови и почвы» на историческое развитие народов и обуславливающего особенности национальной государственности. Их влияние на российскую гуманитарную элиту проявилось в распространении идеи первоочередного учета факторов «месторазвития» в становлении исторических культур и развивающихся на их основе государств.

Приоритет исторически сложившихся и изменявшихся местных условий, определяющих духовную культуру, и следующий из нее общественный и государственный строй в сочетании с сократовским принципом самопознания, распространенным на народы, населяющие Евразию, стали геоисторическими основами евразийской концепции [2, с. 37–38].

Обоснованность термина «геоисторические основы» вызвана необходимостью выбора понятия, адекватно отражающего сущность евразийского подхода к истории России и евразийского пространства. В нем неразрывно связаны факторы географического «месторазвития» народов, в которых они накопили длительный опыт выживания и развития, определивший их требования к характеру и организации политической власти.

Евразийская идеология была призвана в сложных исторических условиях великой катастрофы – гибели Российской империи и создания на ее территории советской государственности, отвергающей все культурно-исторические корни, – объяснить необходимость учета новыми субъектами государственного строительства культурно-исторических корней народов, населяющих Евразию. Идеологи евразийства предполагали таким путем заложить фундамент возрождения российской государственности в качестве евразийской, что давало основания предполагать кратное увеличение ее пределов и влияния за счет сплочения народов и культур евразийского пространства. Под этим увеличением евразийцы понимали политическое объединение исторически и культурно близких народов, населяющих Центральную Азию и прилегающие к ней регионы.

П.Н. Савицкий в программной статье «Евразийство» заявлял, что «евразийцы дают новое географическое и историческое понимание России и всего того мира, который они именуют российским, или "евразийским"». При этом подчеркивалось, что это наименование имеет именно географическое происхождение, объединяющее народы трех великих равнин: Восточно-Европейской (Беломорско-Кавказской – в терминологии П.Н. Савицкого),

Западно-Сибирской и Туркестанской, наряду с возвышенностями, отделяющими их друг от друга: Уральские горы, «Арал-Иртышские», горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии. По определению евразийцев, эти земли, объединенные географической близостью и общностью исторического развития, представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. В качестве срединного мира между «истонченной» Европой и Азией ему соответствует имя «Евразия» [3, с. 100].

Географическая и историко-культурная общность формируют близкие черты духовной культуры и государственности, которые определяются евразийцами в категориях традиционного коллективизма, соборности, подчинения всей общественной жизни служению государственному идеалу. Н.С. Трубецкой в статье «О туранском элементе в русской культуре» выделял «туранский психологический тип», характеризующийся отрицанием присущих западной цивилизации усложненных явлений духовной и политической жизни, то есть требованием эффективной простоты, что определяет такие общие его черты, как «ясность и спокойствие». Но именно эти черты, по утверждению автора, исторически доказали способность евразийских исторических культур к грандиозным государственным проектам, выраженным в появлении на евразийских просторах крупнейших исторических государственных проектов [4, с. 70].

Общим моментом творчества евразийских идеологов, представляющих интеллектуальную элиту русской эмиграции, являлось утверждение о ведущей организующей роли России, русской культуре и русской истории в истории евразийского мира. Как отмечал П.Н. Савицкий, «Россия занимает основное пространство земель "Евразии"». Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют скорее некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только географическое значение» [3, с. 101]. Н.С. Трубецкой настаивал на том, что творческие «положительные стороны туранской психики» сыграли «благотворную роль и в русской истории». Характерное для евразийства обнаружение созидательного единства всех сторон духовной, бытовой и государственной жизни он проявляет при анализе истории допетровской Московской Руси, в которой «весь уклад жизни ... вероисповедание и быт составляли одно ... в котором и государственные идеологии, и материальная культура, и искусство, и религия были нераздельными частями единой системы, системы, теоретически не выраженной и сознательно не формулированной, но тем не менее пребывающей в подсознании каждого и определяющей собой жизнь каждого и бытие самого национального целого, – все это, несомненно, носит на себе отпечаток

туранского психического типа. А ведь это именно и было то, на чем держалась старая Русь, что придавало ей устойчивость и силу. Если некоторые поверхностные иностранные наблюдатели не замечали в древней Руси ничего, кроме раболепия народа перед агентами власти, а этих последних – перед царем, то наблюдение это было несомненно неверным» [4, с. 72].

Аналогичное и характерное для евразийской политической идеологии отношение к различиям организации власти в странах Европы и в условиях России сформулировал в 1927 г. Л.П. Карсавин в работе «Основы политики»: «только единая и сильная власть способна провести русскую культуру через переходный период, канализировать и направить пафос революции. Но либерал ошибается, если думает, будто великие и неслыханные по своему размаху задания русской культуры вообще когда-либо осуществимы без такой власти. Чтобы остаться сильною, власть должна быть единою. В Европе попытка последовательно провести разделение законодательной и исполнительной властей закончилась жалкою неудачею, прикрытою бумажными фикциями. Обе власти сосредоточились в парламенте, который и законодательствует и "исполнительствует" при помощи выбираемых и свергаемых им правительств и многочисленных комиссий. Так может существовать только слабая власть и в действиях своих неумная власть. В самом парламенте голов больше, чем умов, а "умы" нейтрализуются взаимною борьбою и неизбежною при неорганизованности правящего слоя многопартийностью» [5, с. 198].

Один из первых критиков евразийства, Г.В. Флоровский, выявлял в работах евразийских теоретиков психологически обусловленное восхищение образами неограниченной власти, поддерживаемой народом, не отрицая укорененности такого подхода в русском обществе. Одним из следствий такой распространенности он считал победу большевистского режима. На этом основании он использовал понятие «евразийского сознания»: «Наивная доверчивость к органической работе темных подсознательных сил соединяется в евразийском сознании с жутким, хотя и мечтательным упоением властью» [6, с. 204].

Всем сторонникам евразийской идеологии присуще геоисторическое оправдание характерной для евразийского пространства авторитарной политической культуры, основанной на требовании «простой» власти, от которой требуется повышенная и ярко выраженная способность к мобилизации общества. В силу таких запросов евразийцы настаивают на формальной неограниченности власти, принимая ее право на применение государственного насилия во имя этой мобилизации и сохранения ее неограниченности. Исторически это объясняется как опытом становления российского содержания, так и наблюдаемым ими в странах Западной Европы кризисом классической демократии, одним из проявлений которого стало усиление нацио-

нализма и появление нацизма. С другой стороны, в этом проявляется и указанное выше отторжение рациональных основ западного права, сочетаемое с желанием сохранить научную аргументированность анализа.

Влияние равнинных географических условий на создание в истории евразийского пространства схожих державных форм неограниченной монархии ранее отмечалось в трудах просветителей, которых признавала Екатерина II. Но евразийцы, в противовес западному Просвещению, делали из этого фактора выводы о созидательной стороне такого государственного строя, исторически воплощенного в истории народов евразийского пространства: «Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца, и распространяется в идее и на самого верховного правителя, который непременно мыслится как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой и жизни каждого подданного» [4, с. 71]. Таким руководящим началом в истории русского самодержавия евразийцы признавали православную веру, являвшуюся официальной идеологией русской монархии.

С культурной и экономической точек зрения неограниченная власть правителей в регионах евразийского пространства является неизбежным следствием необходимости организации хозяйства и поддержания порядка на равнинных просторах. Географической предпосылкой такого отношения являлось то, что равнинные степи не создавали естественных барьеров и условий, дисциплинирующих сознание, организацию совместного труда и уважение к собственности, как это было в истории европейской цивилизации и западного права. В силу этого географического фактора в евразийском пространстве определяющую роль играет подчинение власти единоличного правителя. Евразийцы были знакомы с идеалом правового государства как организации публичной власти, гарантирующей ту или иную степень личных, гражданских, политических, экономических и культурных свобод. Но они подчеркивали недопустимость противопоставления личной свободы государству, которая была характерна для либеральной традиции западного права.

В евразийстве сложилась близкая к идеологии советского социализма трактовка необходимости свободного развития личности, обеспечиваемого силой государственной власти [7, с. 17]. Она была призвана подчеркнуть особенность присущего российским дореволюционным «государственникам» отношения к свободе, характерного для либерализма недоверия государственному вмешательству в общественную и частную жизнь. После русской революции такое отношение было реализовано в рамках советского конституционализма, также не предполагавшего какого-либо эффективного

механизма защиты индивидуальных свобод от возможного произвола со стороны государства [8, с. 35–36].

Евразийцы утверждают общность политической культуры «евразийских народов», которая заключается в ориентации на идеальное государство с неограниченной формально властью, но характеризующееся при этом нравственной ответственностью перед обществом за применение своей власти для защиты «правды». В сочинениях евразийских авторов этот исторически сформировавшийся и, по сути, монархический идеал выражается в понятиях «государство правды», «праведное государство» или «гарантийное государство» [9, с. 602]. И.У. Абубакирова, реконструируя такое отношение, отмечает, что требуемым идеалом для евразийских народов является такое функционирование публичной власти, при котором «управление делами государства опирается на закон и ограничивается им, но законом неписанным, правдой, справедливостью. Для государственной деятельности не столь значимо основываться на формальном праве, сколь объективировать укорененную [укорененную] в народе идею социальной справедливости» [7, с. 18].

О преемственности евразийской идеологии принципа приоритета «праведного государства как центрального института развития общества, обеспечивающего условия свободной самореализации личности, свидетельствует распространенность такого подхода среди российской интеллектуальной элиты дореволюционной эпохи. В книге «Монархическая государственность», написанной раскаявшимся народовольцем и активным участником столыпинских реформ Л.А. Тихомировым, утверждается: «Государство есть в известных отношениях высшее торжество человеческой свободы и главное средство обеспечения для личности ее свободы в обществе» [10, с. 21].

В русской политической мысли XIX–XX вв. общим является признание необходимости патриархальной заботы государства о личности. Евразийцы, приняв его в качестве основы своей идеологии, были убеждены, что таким образом они отражают общие запросы евразийских народов, переживших разрушения традиционных жизненных укладов, последствия европейской колонизации, мировой войны и революций.

Исходной предпосылкой возникновения евразийской идеологии было стремление вернуть единство миру русской эмиграции путем его возвращения в обновленную и возрожденную Россию, ставшую, по глубокому убеждению духовных лидеров эмигрантских сообществ, жертвой разрушительного влияния западной цивилизации, которая с характерной для нее целеустремленностью стремилась разрушить естественным образом складывающуюся взаимосвязь европейской части света с азиатской. Вспомним известное высказывание Р. Киплинга о несовместимости культурных миров Запада и Востока. Враждебность евразийцев по отношению к Западу создавала об-

щие мотивации для поиска контактов с большевистским правительством Советской России. Евразийцы, будучи отделены от Родины и находясь в эмиграции, усиленно искали оправдания событиям русской революции, искренне желая духовного и организационно-политического воссоединения с русским народом, принявшим большевистскую власть. Огромный интеллектуальный потенциал и знания русской истории и культуры позволяли им выявить историческую обусловленность большевистского строя и упредить причины его кризиса, вызванные игнорированием большевистским государством религиозных и геоисторических основ организации власти в России, являющейся географическим и политическим центром евразийского мира. Такие лидеры евразийства, как П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский и др., прямо предлагали советскому правительству вернуть в общество влияние Православной церкви, используя силу большевистской диктатуры.

В подтверждение научной обоснованности евразийских инициатив следует отметить, что большевистское отрицание традиционных основ исторически сложившейся в России организации власти силой обстоятельств было опровергнуто, что заставило Советское государство идти путем отказа от силой навязанных народам бывшей Российской империи идей диктатуры пролетариата и мировой революции. Неизбежность такого кризиса, вынудившего Советское государство ради самосохранения возвращаться к естественным для народа ценностям, сформировавшимся в течение многовекового развития под воздействием геоисторических факторов, предсказывалась евразийцами-историками. Л.П. Карсавин в работе «Государство и кризис демократии», осмысливая события 1920-х–1930-х годов как системный кризис европейской цивилизации, писал: «Народ-государство растет сам по себе; в этом ему вряд ли в состоянии помочь и теоретики, и политические деятели. А вот повредить могут. Большевикам было нетрудно написать новую конституцию, но они не смогли, уничтожив большинство старых социальных групп, создать новые, способные к творчеству жизни группы. Тогда чего стоит такая конституция? Ведь и Муссолини пытается создать новые группы – трудно сказать, на что он рассчитывает. Ясно пока одно: знание того, что такое народ-государство, не дает еще права самим создавать это государство, но без этого знания нельзя помочь народу творить его и преобразовывать» [11, с. 193].

В послевоенные годы евразийский подход, который с полным основанием можно обозначить в качестве «геоисторического», использовал Л.Н. Гумилев, настаивавший на приоритетном влиянии фактора географического месторазвития народа, определяющего особенности его культуры и таким образом формирующего народ как историко-культурную общность. Именно географические условия русской равнины в его теории сформировали пас-

сионарный тип русских людей, неоднократно спасавших «мать-Россию» в тяжелейших кризисах XVI–XVII вв. и своими активными действиями приводившими к возрождению и усилению русской государственности именно в его «мобилизационной» авторитарной форме [12, с. 227].

Наиболее наглядно такая эволюция проявилась под давлением событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. Они привели к воссозданию постоянной регулярной армии, официальному признанию Русской Православной церкви, фактическому отказу от идеологии пролетарского интернационализма и мировой революции в пользу государственного патриотизма, опирающегося на признание безусловной ценности истории русской государственности.

Продуктивность идей евразийства, уже исходя из необходимости решения проблем постсоветского пространства, отмечали такие авторы, как А.С. Панарин, А.А. Акаев, С.Ю. Глазьев. В.И. Пантин, анализируя актуальность евразийской концепции для развития сотрудничества государств в рамках учрежденного в 2014 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), настаивал на возможности и необходимости модернизации евразийской идеологии для ее применения в условиях современных международных отношений, что является особенно важным для развития взаимодействия евразийских стран по линии ЕАЭС. Из выделенных В.И. Пантиним оснований необходимости углубленной разработки идей евразийства для их политической адаптации к решению современных проблем следует выделить их перспективность для противостояния идеологиям этнического национализма и вестернизированного глобализма [13, с. 20].

Эти факты определяют научную обоснованность и социально-политическую значимость евразийской идеологии. В методологическом плане ее можно обозначить в качестве геоисторического подхода, вне учета которого научное изучение любой историко-культурной общности следует признать невозможным. С другой стороны, очевидным заблуждением евразийцев являлась абсолютизация географического расположения народа в качестве ведущего фактора развития его культуры. В результате по своему содержанию евразийская идеология превратилась в разновидность позитивизма и материализма, господствовавших в области гуманитарных исследований в XIX в. На смену всепроникающему влиянию «экономических факторов» в марксизме евразийцы предлагают аналогичное восприятие «месторазвития». С точки зрения сущности гуманитарного познания такой подход изначально лишен смысла, поскольку он утверждает обусловленность духовной жизни исторической общности таким материальным фактором, как длительность ее географического расположения.

В заключение необходимо сказать о том, что в контексте государственно-правовой эволюции России возникновение евразийства представляется ярким феноменом кризиса не только русской, но и западной цивилизации в XX в. На смену разочаровавшему своими результатами веку либерально-демократических, консервативных и социалистических идеологий в политико-правовой культуре интеллектуальной элиты приходит время отрицания любой идеологии. Оно выражается в форме попыток рациональным путем обосновать зависимость идеологических ценностей от какого-либо приоритетного материального фактора – экономического, географического или финансового. Это не умаляет значения евразийской идеологии, представители которой, возможно, первыми отметили внутреннюю слабость советского социального эксперимента, предсказав его разрыв с духовными потребностями многонационального советского общества, что являлось предпосылкой будущего политического кризиса и провала в конце XX в. Кроме того, именно евразийцы могут по праву считаться идеологами получившего развитие на постсоветском пространстве движения в пользу евразийской интеграции, реализуемой в рамках деятельности ЕАЭС. Под влиянием совокупности глобальных и региональных факторов оно имеет все шансы на историческую самореализацию, практически доказывая теоретическое и практическое значение «геоисторического подхода». Более того, можно с уверенностью говорить о том, что основные векторы современной установки на евразийскую интеграцию во многом связаны с геоисторическими факторами становления евразийства.

Список источников

1. Бойцов М.А. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна / М.А. Бойцов // Карсавин Л.П. Монашество в средние века. – Москва : Высшая школа, 1992. – С. 3–33.
2. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме / Н.С. Трубецкой // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – Москва : Наука, 1993. – С. 36–47.
3. Савицкий П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – Москва : Наука, 1993. – С. 100–113.
4. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – Москва : Наука, 1993. – С. 59–76.
5. Карсавин Л.П. Основы политики / Л.П. Карсавин // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – Москва : Наука, 1993. – С. 174–216.

6. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн / Г.В. Флоровский // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 195–211.

7. Абубакирова И.У. Особенности интерпретации правовой государственности в классическом евразийстве / И.У. Абубакирова // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 5. – С. 16–20.

8. Новикова О.И. Общечеловеческие ценности и советский конституционализм (часть 1) / О.И. Новикова, М.Н. Рудман // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 12 (127). – С. 35–36.

9. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве / Н.Н. Алексеев // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / сост. А. Дугин, Д. Тараторин. – Москва : Аграф, 1998. – С. 602–625.

10. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. – Москва : Алир, 1998. – 672 с.

11. Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии / Л.П. Карсавин // Новый мир. – 1991. – № 1. – С. 183–193.

12. Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – Москва : Рольф, 2000. – 320 с.

13. Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции / В.И. Пантин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 17–29.

References

1. Boytsov M.A. Not Completely Forgotten Medievalist from the Era of Russian Modernism. *Karsavin L.P. Monasticism in the Middle Ages*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992, pp. 3–33. (In Russian).

2. Trubetskoy N.S. About True and False Nationalism. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Moscow, Nauka, 1993, pp. 36–47. (In Russian).

3. Savitsky P.N. Eurasianism. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Moscow, Nauka, 1993, pp. 100–113. (In Russian).

4. Trubetskoy N.S. On the Turanian Element in Russian Culture. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Moscow, Nauka, 1993, pp. 59–76. (In Russian).

5. Karsavin L.P. Cornerstone of Policy. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation*. Moscow, Nauka, 1993, pp. 174–216. (In Russian).

6. Florovsky G.V. Eurasian Temptation. *Novyj mir = New World*, 1991, no. 1, pp. 195–211. (In Russian).

7. Abubakirova I.U. Features of the Interpretation of Legal Statehood in Classical Eurasianism. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2016, no. 5, pp. 16–20.

8. Novikova O.I., Rudman M.N. Human Values and Soviet Constitutionalism (Part 1). *Evrasijskij juridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2018, no. 12 (127), pp. 35–36. (In Russian).
9. Alekseev N.N. On the Guarantee State. Alekseev N.N. *The Russian People and the State*. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 602–625. (In Russian).
10. Tikhomirov L.A. *Monarchical State*. Moscow, Alir Publ., 1998. 672 p.
11. Karsavin L.P. The State and the Democracy Crisis. *Novyj mir = New World*, 1991, no. 1, pp. 183–193. (In Russian).
12. Gumilyov L.N. *From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History*. Moscow, Rol'f Publ., 2000. 320 p.
13. Pantin V.I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik RUDN. International Relations*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 17–29. (In Russian).

Информация об авторе

Рудман Марк Наумович –
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории
государства и права Института
права

Information about the Author

Rudman Mark Naumovich –
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor of the Chair of
Theory of State and Law, Institute
of Law

Статья поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.
The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 23.08.2023; accepted for publication 25.08.2023.